

А. Н. Вертинский.

Я знаю, даже кораблям
Необходима пристань,
Но не таким, как мы, не нам —
Бродягам и артистам!

«Прощальный ужин», песня.

тель вечера Юрий Михайлович Юрьев вел его сквозь толпу жаждущих попасть на концерт и торжественно говорил: «Дорогу великому артисту!»

И вот он снова едет по весеннему Ленинграду. Он, конечно, стар. Поздно нынче весна. Она разгорается для тех, кто с удочками стоит вдоль гранитных парапетов. Кто обнимается на гранитных спусках к Неве. Покрывает свежей краской лодки и катера на берегу канала. Поздняя весна в Ленинграде! И все-таки он счастлив. Он здоров. Он едет на очередной концерт — на необычный концерт в Дом ветеранов сцены, где слушать его будут сверстники, люди, прожившие, как и он, большую жизнь. Иные из них, наверное, помнят его молодым, слышали его в Москве или Петрограде. Интересно, есть ли там знакомые?

Сегодня, правда, немного давит сердце. Но это пустяк, не стоит обращать внимания. Это бывало и раньше, а последнее время почему-то именно в машине. Сейчас они приедут, и все пройдет.

Машина выехала на Петровскую площадь и свернула направо, к воротам Дома ветеранов.

Говорили, говорили...

Вас ни взять, ни спрятать,
ни прогнать.

Надо жить — не надо вспоминать,
Чтобы больно не было опять
И чтоб сердцу больше не кричать.

— Вы правы, милый, надо жить — не надо вспоминать,— сказала ему однажды в Париже старая русская балерина, давно и навсегда оставившая родину. Эмиграция мало кому принесла радость и сама наказала отступников самым страшным наказанием, какого не может назначить никакой суд: нестерпимой тоской по родине.

Все это понимали не только советские актеры, писавшие теперь воспоминания, действительно умудренные опытом. Это понимали и те самые «чужие господа» там, за рубежом, куда уехали в эмиграцию некоторые русские художники. «В другом мире, при другой системе ее берегли бы, как драгоценный алмаз, она работала бы только по несколько месяцев в году и танцевала бы не более двух-трех раз в неделю. У нее было бы время и для работы, и для отдыха, и для любви, и для детей, и для трудного искусства быть счастливой». Это написал об Ан-

же надменностью облика. Но ведь сегодняшних слушателей не обманешь и ничего от них не скроешь: каждый из них выходил на сцену тысячи раз.

Какая странная песня! Артист сочинил ее во время турне по Бессарабии, в самом начале своей эмиграции. Ему тогда казалось, что впереди — новая, счастливая жизнь. Но уже тогда подкралась ностальгия, болезнь, от которой не умирают, но от которой не могут вылечить врачи. Какая странная песня! Основные куплеты и припев находят в противоречии. Припев беспречен, даже радостен:

И легко мне с душою цыганской
Кочевать, никого не любя!

Но вот кончается припев, и звучат строки, говорящие совсем о другом:

И когда засыпают березы
И поля затихают ко сну,
О, как сладко, как больно

сквозь слезы
Хоть взглянуть на родную страну!

В зале внимательно слушают. Стоит напряженная тишина. Вертинский поет, и перед его глазами встает вечер в Бендерах, на берегу Днестра. Он сидел на камне и всматривался в противоположный берег реки. Там, на той стороне, в России, виднелись маковки церковной, слышен был даже тихий перезвон. У самой реки паслось стадо. По берегу ходил часовой... Как давно это было!

И легко мне с душою цыганской
Кочевать, никого не любя!

Песни сменяют одна другую. Звучит «Пани Ирена», покорившая Польшу, посвященная ее прекрасным женщинам. Старая песня о смерти — «Ваши пальцы пахнут ладаном». Изящная «Маленькая балерина». Знаменитый «Прощальный ужин», который неизменно заставляет каждого вспомнить свое. Трагическая — «В синем и далеком океане». Наконец, «Чужие города»...

Тут шумят чужие города,
И чужая плещется вода,
И чужая светится звезда.

Как в маленькую песню уложишь всю жизнь, скитания, невзгоды? Как рассказать всем этим седым людям о травле, поднятой против него савинковской газеткой «За свободу», о враждебном отношении к нему русских эмигрантов, считавших его шпионом, большевистским агентом? Еще в Польше он обратился к советскому послу Войкову с просьбой о возвращении. Тогда в этой просьбе было отказано, несмотря на добродетельное сопроводительное письмо посла.

Одна песня сменяет другую, и люди в зале видят, слышат, понимают художника.

— Посмотрите,—шепчет в зале старая актриса соседу,—какие выразительные руки!

Великолепна пластика его жеста, руки и впрямь необыкновенно выразительны. «Такого умения владеть руками, таких «поющих рук» я не знаю ни у одного из актеров»,—сказал как-то Василий Иванович Качалов.

Еще в Москве, до революции, настроения его песен считали упадочническими. Теперь эти минорные интонации воспринимались как настроение, рожденное тоской по родине.

Впрочем, печаль совсем не единственное настроение его песен. Он поет «Мадам, уже падают листья», и в зале звучит смех. Многие его песни стали микропеснями, маленькими мопеспектаклями с драматическим, лирическим или даже комическим сюжетом. Главным в них всегда было слово, музыка — вторична. Музыка может быть хороша, как бы ни была она скромна. А слово должно активно воздействовать на слушателя. Поэтому обычно он — и поэт, и драматург, и актер, и режиссер, и композитор. Им восхищались одни, бранили другие. Но повторить его песни в другом исполнении на таком же уровне оказалось невозможным. Их своеобразие и необычность, навечно соединенные с самим артистом, сохранились в неприкосновенности.

В своих воспоминаниях Вертинский рассказывает о странствиях, о том, как тосковал по родине на берегу Босфора, где на рейде время от времени появлялся старенький пароходик «Решид-паша», который ходил из Константинополя в Одессу. С душевной болью он писал: «...Все пальмы, все восходы, все закаты мира, всю экзотику далеких стран, все, что я видел, все, чем восхищался,—я отдаю за один, самый пасмурный, самый

Ю. АЛЯНСКИЙ

ОБИТАТЕЛИ Дома ждали его с нетерпением. Концерты здесь бывали часто, и в этом не было ничего необычного. По многолетней традиции сюда приезжали показать свои новые работы многие драматические актеры, певцы и чтецы: почти каждый находил здесь своих учителей. Но сейчас ждали артиста, чье имя вызвало особенный интерес каждого. Александр Вертинский — само это имя напоминало иные времена, старые патефонные пластинки, давно ставшие редкостью. Появились даже коллекционеры пластинок Вертинского — они хвалились друг перед другом количеством записей. Были здесь и те, кто помнил и знал артиста лично, был свидетелем его первых шагов на концертной эстраде, осуждал его за отъезд из молодой Советской России и теперь ожидал начала концерта с некоторым настороженным недоверием.

Недоверие касалось и возраста артиста. Здесь, на Петровском острове, знали, что такое возраст. Его подсчитали. Выяснилось, что Вертинскому — шестьдесят восемь. Оказывается, не так уж много. В Доме ветеранов людей этого возраста называют «молодежь». Но еще петь? Как он может петь? И что за жизнь у него за плечами?

Это было, было и прошло,
Все прошло и вьюгой замело...

Так, кажется, поет он в своей песне «Чужие города»? Было, было... Было известно, что Вертинский, находясь в период революции в Крыму, примкнул к белой эмиграции и покинул родину, перебравшись в Константинополь. А эти люди, обитатели Петровского острова, не только видели «Дни Турбиных», но некоторые и сами играли в этой пьесе, вместе с Булгаковым пережив трагедию мира Турбиных.

Говорили, что отъезду Вертинского из России предшествовало его знакомство с белым генералом Слащовым, вешателем, палачом. Это была правда. Вертинский знал настоящего, живого Слащова, который в ту же пору сбежал в Константинополь. А эти люди, шедшие теперь слушать артиста, знали Хлудова, героя булгаковского «Бега», — его прототипом был именно тот самый Слащов.

Говорили, Вертинский познакомился где-то с международным вором Вацек и однажды даже воспользовался его поддержкой. И это тоже была правда. А эти люди не раз играли «Интервенцию», и среди ее героев — Фильку-анархиста, и воссоздавали на сцене ту историческую атмосферу, черз которую въявь прошел Вертинский.

не Павловой вскоре после ее смерти крупнейший американский театральный антрепренер Сол Юрок.

ВЕРТИНСКИЙ и его аккомпаниатор — замечательный пианист Михаил Брокес прошли по дорожке парка и поднялись по ступеням парадного входа. Их встречали. Вертинский держался очень прямо, светлый английский костюм в крупную клетку сидел на нем превосходно, артист выглядел в нем молодо. Вертинский был сдержан, немногословен, суховат. Кто знает, о чем он думал в эти минуты!

— Покажите нам с Брокесом рояль, мы попробуем...

Их провели на сцену.

А из дальних корпусов Дома, по коридорам, устланным коврами, шли пожилые дамы и мужчины, одетые нарядно, празднично. Да, для многих из них это был особенный концерт — коственная проверка своей собственной жизни. Сегодня они увидят итог, к которому пришел один из них. Каков же итог других, каждого из живущих здесь художников?.. Некоторые шли медленно, держась под руку, другие — опираясь на палку, третьи — быстро, упругой походкой, всем своим видом показывая, что они не сдаются.

Слушатели неторопливо расселись — некоторые на свои излюбленные, постоянные места, другие — просто поближе, чтобы лучше видеть и слышать. И концерт начался. Начался концерт, в котором за каждой песней вставало не только удивительное, своеобразное искусство артиста, но и его реальная судьба.

«Идя на концерт Вертинского, я думал, что увижу на эстраде музейный экспонат, нечто вроде живого камергера двора его императорского величества в расшитом золотом парадном мундире. Но все это было далеко не так, хотя внешне он и напоминал римского патриция», — писал после одного из концертов Вертинского в Москве Б. М. Филиппов. Наверное, подобные мысли приходили в голову и некоторым из слушателей, сидевших в концертном зале Дома ветеранов.

А на самом деле было так. Вертинский вышел на эстраду во фраке, строгий, подтянутый, элегантный, и низко поклонился залу. Раздались аллодисменты. Еще поклон, ниже, чем обычно. Пауза. Брокес берет первые незатейливые аккорды песни «В степи молдавнской»:

Что за ветер в степи
молдавнской!

Как поет под ногами земля!..

Вертинский волнуется. И пытается скрыть это за внешней сухостью, да-

дождливый и заплаканный день у себя на родине!